

Александр Блок

**Сказка о той, которая не
поймет ее**

Александр Александрович Блок

Сказка о той, которая не поймет ее

«Уже разносились по городу слухи и толки о том, что он нарушил торжественную клятву, когда-то данную им, и безвозвратно предался в руки этой женщине. Уже из уст в уста переходило его имя, соединенное с ее именем, когда он, весь неприступный и весь сияющий, проходил в толпе. Но душа его оставалась по-прежнему светлой, и ни одно дурное и низкое слово не запало в нее глубоко. Все преодолевала эта душа, переплывая все моря, как острогрудый корабль с лебяжьей грудью...»

Александр Блок

Сказка о той, которая не поймет ее

Уже разносились по городу слухи и толки о том, что он нарушил торжественную клятву, когда-то данную им, и безвозвратно предался в руки этой женщине. Уже из уст в уста переходило его имя, соединенное с ее именем, когда он, весь неприступный и весь сияющий, проходил в толпе. Но душа его оставалась по-прежнему светлой, и ни одно дурное и низкое слово не запало в нее глубоко. Все преодолевала эта душа, переплывая все моря, как острогрудый корабль с лебяжьей грудью.

Но темное и тонкое имя этой женщины заставляло радоваться его врагов и сжимало трепетным страхом сердца друзей. Как будто знали те и другие, что еще недолго останется неомраченной душа его, что он, доселе гордый и сияющий, замедлит путь свой в толпе предателей и сольется с нею. Тогда, говорили враги, погибнет эта великая душа, и змеи оплетут ее. Тогда погаснет ясный свет, и змея

ударом хвоста потушит лампаду, говорили друзья. И одинаково трепетно было и тревожно и друзьям и врагам, но он один ведал свои муки в одинокие часы, когда, оставаясь наедине с самим собою, следил за медленным движением луны.

Уже тонкие чары темной женщины не давали ему по ночам сомкнуть глаз, уже лицо его пылало от возрастающей страсти и веки тяжелели, как свинец, от бессонной мысли. И она принимала в его воображении образы страшные и влекущие: то казалась она ему змеей, и шелковые ее платья были тогда свистящею меж трав змеиной чешуею; то являлась она ему в венце из звезд и в тяжелом наряде, осыпанном звездами. И уже не знал он, где сон и где явь, проводя медлительные часы над спинкой кресла, в котором она молчала и дремала, как ленивая львица, озаренная потухающими углями камина. И, целуя ее осыпанную кольцами руку, он обжигал уста прикосновением камней, холодных и драгоценных.

Она же любила пройти с ним по зале, и на многолюдстве любила она уронить платок,

чтобы он первый поднял его, и взглянуть в глаза его обещающими глазами, чтобы он смутился и стал еще тоньше, выше и гибче, чтобы резко оттолкнул восхищенного ею юношу, открывая путь ей в толпе. Так проходили они, как небо за небом, — одну залу за другой, преследуемые взорами и восторженной завистью. Когда же они миновали все небеса, и проходили все залы, и оставались одни, она бросалась на темный ковер и застывала, неподвижная; и в холодеющие ее взоры проливалась та ночь, пережить которую было для него мучением сладостным, дотоле неведомым и таинственным.

Уже луна поднялась высоко, и дома в городе побелели, и толки смолкли, чтобы с новой силой заплясать и закружиться утром, — когда она пришла к нему взволнованная больше, чем бывала. Одна прядь волос ее упала низко, и небрежно был зашнурован корсаж, и золотым и тонким стилетом были схвачены ее черные волосы. За длинным ее шлейфом влачился безобразный карлик, шатаясь на коротких ногах и ухмыляясь рябым и поганым лицом своим. Вся она была, как беспокойная

ночь, полная злых видений и темных помыслов, и, успокоенный уже близким утром, он был снова и снова взволнован ее дикой, дразнящей и странной красотой.

Опускаясь на глубокие ковры, она говорила: «Не касайся меня», и за темными шнурами и волнующимися дрожало ее сердце и шептало «возьми меня». Голосом более страстным и более нежным, чем всегда, она просила его совершить великое предательство, и зубы ее обнажались улыбкой трепетной, и губы тонули в змеиных прядях ее волос. Когда же он отрекался с трепетом, волнуясь ужасом надвигающейся гибели и страсти, она уронила золотой стилет и утопила лицо его в тяжелых и душных волосах. И когда он целовал холод благоуханного лезвия стилета, она взяла с него горестную клятву, и первая предалась ему, и долго томила его, пока не умерла опрокинутая луна и не порозовел рассвет.

Когда же солнечный луч пронизал темную занавесь окна, и заплясали и запрыгали золотые змеи в темном кубке с вином, он взглянул в лицо этой женщины, которая была для

него волей, воздухом и огнем. Было неподвижно это навеки ночное и навеки незнакомое лицо, и — по-змеиному — мгновенно верные — смотрели ему в глаза черные ее и сияющие глаза. И вот уже мягким туманом неприступности, как фатою невесты, закрывалось это сияющее одними глазами ночное лицо. И безобразный карлик бормотал у двери непонятные свои речи, приглашая в путь госпожу, готовясь летать за ее шлейфом всюду, куда полетит она, как безобразный астральный осколок — проклятый спутник зловещей и прекрасной кометы.

И, услышав бормотания карлика, он раздернул занавесь и выпустил на волю все клятвы свои, все унижения бессонных ночей своих и сонные туманы дней.

Так не коснулась сердца его измена. Взяв большой кубок темно-красного вина, он подумал, что это — темная и изменчивая влага пролетевшей ночи, когда заплясали в нем золотые змеи, как золотой ее и сияющий пояс. И когда он выплеснул кубок в тишину утра, встала в его сердце строго одетая, опустившая вежды и не развязывающая пояса перед

смертными — непроглядная тьма.

Тогда проснулись от стука чутких сердец своих друзья и с трепетной радостью зашевелились в своих логовах враги. И с каждой постели прыгнул и метнулся красный слух, и облетели слухи весь город, всех извещая и лаская каждого изветами о том, что вернулось к земле и солнцу все то, что было взято у них долгими трудами, острою мыслью и страстной волей. И смертельной тоской поросло сердце человека, которое не стало сердцем предателя.

Навеки безвозвратная, уходила она, негодуя и унося в сердце оскорбление за нарушенную им клятву. И гадкий карлик едва успевал лететь за нею в пространствах разгневанного света и взмятенного шлейфом ее эфира.

А у темной занавеси стоял он — уже не гордый и не сияющий. Невозвратно миновала ночь, и безысходное простиралось над ним осеннее и глубокое небо.

И когда он вышел на улицу, нищий толкнул его плечом, и когда он проходил по площади, маленькая собачонка огрызнулась на него. И осыпал его желто-красной листвою

облетающий клен, когда он стоял над открытой могилой, где яростно боролись, проклинающая и бичуя друг друга, Великая Страсть и Великая Тишина.

Уже побеждала Тишина, и темною влагой своей затопила его сердце и угомонила его тоску, и уже снова равнодушный и сияющий знал он, что терзает лишь то, что могло стать великим счастьем. А там — в облетевших ветвях засыпающего клена — вставала над землей грозящая комета, разметав свой яростный шлейф над Тишиною.

И все долгие ночи было видно, как летел за нею, крутясь и спотыкаясь, покорный горбун, безобразный карлик, — тускло сияющий осколок какой-то большой и прекрасной, но закатившейся навеки звезды.

...

11 октября 1907.